

Система

(1932)

Познакомились мы друг с другом в прелестном княжестве Монако в 1912 году. Я в то лето без всякого труда, свободно и весело выиграл в казино Монте-Карло (в Карлушкиной Горке, как называет И. С. Шмелев) несколько десятков тысяч франков. Я бы, пожалуй, продолжал и дальше играть, но это не вышло. Последний, взятый мною куш был так велик, что я решил сделать в игре перерыв, чтобы отдохнуть и подкрепиться в буфете, так как утром забыл позавтракать, а теперь уже шел одиннадцатый час вечера. Путь мой шел через большой гранитный вестибюль. Там у колонны сидел скромно мой друг. Я высыпал ему на юбку весь выигрыш: сто- и тысячефранковые билеты, множество золотой мелочи и большое количество золотых стофранковиков, тяжелых, желтых и красивых, как только что выпеченные сдобные хлебцы.

Она спокойно сказала:

—Тебе везет. Может быть, ты еще поиграешь? Вот тут-то я и взвился. Надо сказать, что в далекие от этого времени годы я прослужил около одиннадцати месяцев актером в бродячей драматической труппе, и пародии на бурные страсти, на возвышенные чувства мне даются очень легко.

— Ка-ак! — вскричал я полу задушенным блеющим голосом, закатывая глаза и устремляя перст в потолок.— Это ты! Человек, любимый и уважаемый мною больше всего на свете! Ты! Кого я чту, как высокий образ доброты, милости, ума и порядочности. Ты! Моя радость, гордость, утешение и подпора! И ты своими чистыми, непорочными устами посылаешь меня... Но куда-а-а? Посылаешь в эту ужасную гнусную клоаку, где ненасытная жадность стирает с человеческих лиц образ и подобие божие! В этот кипящий дьяволами смрадный ад! Ибо нет на всем свете влечения более грязного, страсти более свирепой, порока более заразительного, чем азартная игра! О, ужас! Ужас!

Так я декламировал вполголоса, дико вращая глазами. Никаких этих трагических чувств во мне совсем не было. Просто: минутная победа над судьбою веселила мое сердце и заставляла меня паясничать по-мальчишески. Было также маленькое, совсем невинное, проказливое удовольствие кольнуть хоть раз в

жизни, хоть шутя, прекрасного, безукоризненного человека. Но я взглянул и сразу осекся, не договорив монолога. В давно знакомых мне милых и умных глазах растаяла улыбка, и они глядели с тревогой, с вопросом, с укором, с затаенной виноватостью.

Этого я не мог вынести. Поспешно попросил прощения в дурацкой буффонаде, сказал другу, что она ангел, а я свинтус, и тут же торжественно порешил, что играть больше в Монте-Карло не стану. Ведь черт возьми! Уехать с Лазурных берегов после сладкого выигрыша и чувствовать себя потом на всю жизнь гордым победителем и человеком с железной волей — это не так уже часто встречается. Расспросите-ка по этому поводу всех ваших знакомых, когда-либо посещавших Ниццу, Ментону, Канны, княжество Монако и Рокебрюн. Всякий вам наскажет с три короба случаев колоссальных, умопомрачительных, феерических выигрышей. А в результате?

—Увы. Полный крах. Пришлось у добрых знакомых взять займы на обратный проезд. Телеграфным переводам из России уже не доверяли. Все равно: получим — и опять поскачем в Монте-Карло, в это сосущее болото.

Другие земляки, проигравшись в лоск, обращаются к администрации казино за помощью для отъезда домой. Отказ бывает очень редко. Один из служащих в казино, человек исключительной зоркости и безошибочной памяти, так сказать — глаз учреждения, всевидящий и всезнающий, незаметно для просителя, окидывает его острым взглядом и мгновенно аттестует его: проиграл приблизительно столько-то; ни в скандалах, ни в присвоении чужих ставок не замечен. И этого совершенно достаточно для получения суммы, необходимой на покупку билета второго класса и еще на кой-какие нужды, вроде папирос, завтрака и чаевых носильщикам. Когда этот бывший клиент спустя пять или даже десять лет вновь явится в бюро Монте-Карло за получением билета для входа в казино, то первое, что ему предлагают,— это уплатить давнишний поездной должок. Впрочем, о таких невинных сделочках посетители казино почему-то не особенно много рассказывают; предпочитают молчать. Так же безмолвствуют они и о прежних поражениях. «Ничего, пусть были в прошлом неудачи. А вот теперь-то мы взбудетеним эту самую рулетку! Умней стали и систему выработали».

Я всегда считал себя человеком не особенно крепкой воли и потому искренно обрадовался, когда убедился в том, что добровольное отрешение от рулетки дается мне легко и даже весело. Вместо утомительных ежедневных поездок из Ниццы в Монте-Карло, по два раза туда и обратно, вместо многочасовых сидений

на стуле, в густых запахах табака, нездоровых дыханий и крепких, терпких отвратительных духов, передо мною вдруг открылись великолепные просторы времени, пространства и чистого воздуха. Жизнь была обеспечена надолго вперед. Не нужно было работать, насилуя себя, по заказу, без любви и увлечения, ради еды и пристанища на завтрашний день. Прекратилось постыдное клянченье авансов, которые приходят всегда в урезанном размере и приходят с такой мучительной проклятой медлительностью.

Только теперь я заметил, что в нашем дворе душисто цветут лимоны и апельсины, что море благоухает лучше всех ароматов в мире и что недалеко от меня оно нежно сливается с голубым небом, образуя хрустальный купол.

Работа стала для меня не тяжелой обузой, для исполнения которой я ежедневно должен был тащить самого себя за волосы к письменному столу, но лучшими, счастливейшими часами дня. Я вошел в ту ладную, гладкую полосу послушного творчества, когда мысль без затруднения переходит в слова, а слова свободно ложатся четкими строками на бумагу без единой заминки, без единой поправки; когда пишешь, не уставая, весь день, даже за обедом, даже среди разговора с двумя-тремя лицами; когда аппетит, как у каменщика, сон глубок и так отраднo хочется делать добро, услугу, помощь каждому ближнему.

Я снова узнал прелесть и сладость заслуженного отдыха: прогулки в горы, рыбную ловлю, катанье на килевой лодке, под туго натянутым латинским парусом, коротенькие поездки по Провансу; в древний Арль, знаменитый на весь мир необыкновенной красотой своих женщин и славящийся среди едоков высокими качествами своих колбас с чесноком; в Ним и Фрежюс, где до наших времен простирают друг к другу полуразрушенные арки развалины старинных, гигантских римских цирков; в Тулон, где старые моряки еще вспоминают с дружелюбной улыбкой бывший русский флот и торжественные встречи с ним; в уютный Тараскон, недавно стыдившийся своего земляка Тартарена, а теперь уже гордящийся им перед любопытными путешественниками; в Авиньон, где нет ничего замечательного, кроме форелей, отличных булочек и дворца, когда-то резиденции плененных пап.

И все-таки наиболее занятым и интересным для меня оказалось княжество Монакское, до сих пор заслоненное, скрытое от моих глаз беспрестанной игрой в рулетку. Ну что за прелесть, например, монакская армия. Две зеленые бронзовые пушки XVII столетия, шесть нарядных красавцев солдат, двенадцать офицеров еще более красивых, роскошно убранных золотом, серебром и всеми

разноцветными перьями, какие только есть на петухах, попугаях, павлинах и райских птицах. Когда это войско делает смену караула, то глаза слезятся и слепнут.

Очень интересен и дворец с фамильными портретами высокого рода Гримальди. Какие упитанные чернокудрые лица, какие короткие шеи и мощные затылки, разбухшие от усиленного питания овечьим жиром, крепкими буйабезами, эскарго по-бордоски и горячим густым южным вином! Конечно, это только легенда, что первые Гримальди были пиратами. Пиратами — конечно, нет, но почтенными флибустьерами и уважаемыми корсарами — наверно: уж такой у них на портретах суровый, коричневый загар, такие хмурые, зоркие глаза, такие сжатые, решительные губы и такие волевые подбородки.

Современный, последний Гримальди не в них. Он скромный, но уже весьма известный ученый, изучающий флору и фауну океанских глубин. Его океанографический музей, помещающийся тут же, во дворце его энергичных прапращуров, представляет собой богатую и редкую коллекцию растений, живых рыб, моллюсков, раков, медуз, слизняков, осьминогов, скатов и еще каких-то морских гадов, на которых жутко и омерзительно смотреть даже сквозь толстые непроницаемые стекла. И тут же огромное собрание всяких предметов научно-морского обихода, модели и рисунки кораблей, разного вида лодки, паруса, карты, бунты канатов, лаги, кошки, тралы, драги, термометры, барометры и всякие морские вещи и принадлежности, порою совсем не знакомые глазу.

Но что я позорно и непростительно прозевал за дурацкой игрой в рулетку, так это прекрасный театр Монте-Карло с его великолепными симфоническими концертами, с роскошной оперой, с поразительным балетом. Да! Заправила казино не жалели-таки средств для привлечения будущих жертв.

Мы приезжали из Ниццы в Монте-Карло небольшой компанией друзей и спутников. Пока мои знакомцы страстно играли в залах на крупные тяжелые пятифранковики (называвшиеся «пляками»), я с жадным наслаждением наверстывал пропущенные мною, по легкомыслию, самые высокие земные радости. Играть меня вовсе не тянуло. Я как будто бы навсегда вышел из заколдованного круга рулетки...

Вот именно за «Евгением Онегиным» (во время вальса) я и познакомился с тем человеком, о котором упомянул в самом начале моего рассказа. Это был сосед мой по креслам, величественный, красивый старик с серебряными волосами на голове, с холеной седой бородой, одетый в светлый костюм с белоснежным

воротником. Он уронил афишку. Я, памятуя древний завет: «Пред лицом седаго восстань и почти лице старчо», быстро поднял бумажку и вручил ему с полупоклоном. Он улыбнулся мне ласково и умно. Он мне очень понравился. В конце акта он меня спросил:

— Ведь это, кажется, Модест Чайковский написал либретто к «Онегину»?

— Да, Модест, его брат.

— Я и сам так думал,—сказал он,—но боялся, что ошибаюсь. Странно, Пушкин весь для музыки, и Чайковский отлично с ней справился. Но я бы не подумал, что либретто может быть таким порядочным... После спектакля он сказал:

— Ночь так хороша и тепла, не хотите ли немного со мной прогуляться?

Я представился ему. Он назвал свою фамилию: Абэг, ударение на э оборотном, а имя же его было Ювеналий Алексеевич.

Мы ходили неторопливо по парку, над морем, плескавшимся глубоко внизу. Монте-Карло действительно одно из самых очаровательных местечек на земном шаре. По-моему, оно даже слишком, даже чересчур красиво; оно напоминает собою женщину совершенной, божественной красоты, которая к тому же очень искусно и без нужды раскрасилась, отчего и вся ее торжествующая прелесть стала приторно сладкой, неправдоподобной, утомительной и надоедливой. Многие писатели пробовали словами описать эту знаменитую лазурную конфету. Но тщетно. Цветная олеографическая открытка скажет больше и вернее.

После прогулки мы посидели немного на террасе большого отеля. Я спросил себе белого вина со льдом. Он потребовал маленький стаканчик вермута.

— Пить вермут в самом небольшом количестве,—сказал он,—научил меня покойный Анатолий Федорович Кони, прекраснейший из людей, мой друг, учитель и покровитель. Он утверждал, что это итальянское вино в размере наперстка не чинит никакого зла, а между тем действует благоприятно на почки.

Моя ниццкая компания показалась в дверях казино. Я простился с господином Абэг. Он с любезной настоятельностью взял с меня слово непременно побывать у него в Кондамине, в двух шагах от Монте-Карло. У него там свой небольшой домик, хорошая кухарка и много редких книг, которые, если надо, будут в моем распоряжении.

Мы расстались очень дружественно расположенными. С этого дня и началась наша дружба, которая с каждым свиданием становилась теснее, глубже и крепче. Собственный домик Абэга в Кондамине был преуютным, премилым гнездышком: спальня, кабинет, гостиная, столовая, ванна, кухня — только и всего. Блестящая

чистота, обилие света и воздуха радовали глаз. Наружный легкий балкон висел высоко над то синим, то голубым морем. Комнаты соединялись турецкими из камыша, стекляшек и камешков сквозными занавесами. Кухня, под надзором здоровенной красивой эльзаски, была великолепна. Абэг любил и умел хорошо поесть.

Иногда он приезжал ко мне на завтрак в Ниццу. Я и моя семья занимали комнаты в «Отель слав»¹ на бульваре Променад дез-англе². Но так уж много было в нашей гостинице маргариновых русских баронесс, скучных, натянутых, претенциозных и глупо важных, что завтракать я предпочитал за углом, на улице Св. Филиппа, в кабачке «Рандеву де шофер»³, где патроном был папа Маликорне и где завтрак, включая сыр, вино, салат и хлеб, стоил два франка. Кормили здесь странно, но вкусно: южные огромные виноградные улитки, соус бордолез, макароны по-итальянски с пармезаном, итальянская минестра, изредка мозги с черным маслом и другие такие же необременительные блюда.

Ювеналию Алексеевичу эти завтраки чрезвычайно нравились. «Так едали древние римляне среднего достатка»,— говорил он одобрительно. Понемногу я узнал от него все течение его жизни до нашего знакомства. Семья его была старая дворянская и небедная. Большею частью Абэги служили в русском военном флоте, Ювеналий же Абэг учился в училище правоведения и кончил курс с малой золотой медалью. Его пленяла судебная карьера. Он уже прошел стаж судебного следователя, был товарищем прокурора в Петербургской судебной палате, и вдруг — несчастье: зловещий процесс в легких. Пришлось оставить Петербург, этот всеильный город, где куются великие карьеры, и ехать на жаркий целебный юг в Ниццу. Петербургские знакомые, чтобы не сидел он без дела, устроили ему место атташе при ниццком консульстве... И вот уж четырнадцать лет, как он не покидает Ривьеры, окончательно в ней обжившись.

Что так прочно и ладно связало нас, затрудняюсь сказать. Разница в годах у нас была лет на десять. Он живо и остро интересовался тем неясным ему и далеким от него разнородом душ, умов и убеждений, который пошел по России, начиная с Петербурга в начале девятисотого года, а особенно после войны России с японцами. Он не уставал меня расспрашивать о спорах социал-демократов с народниками, о покушениях на министров и губернаторов, о журналах и газетах, о новых течениях в литературе, о новых молодых писателях и об их начинающих учениках, о декадентах, союзах и верованиях, о студентах и курсистках, о том,

какая судьба предстоит родине в ближайшем будущем. Меня же в нем очаровывало совсем другое.

Он проходил зону спокойной, здоровой, беззлобной мудрой старости, и он владел своим словом, как опытный, многознающий председатель окружного суда, выдвигая на первый план существенное и порою бросая такую характерную, незабываемую мелочь, которая сразу освещала весь рассказ. Какими круглыми, насыщенными образами выходили у него знаменитые адвокаты, прокуроры, судьи, сенаторы и профессора. События же всегда имели у него завлекательное начало, вескую, существенную середину и всеобнимающий конец. От своих дальних предков, англичан, унаследовал он драгоценнейший дар: тончайшее чувство юмора и умение пользоваться им кстати. Представляете себе, какое наслаждение было слушать его рассказы!

Только об игре, насколько помню, мы почему-то, кажется, не говорили... Ах, нет, впрочем, был один случай. Он однажды спросил меня: бывал ли я в казино. Я ответил, что да, бывал. И тут же рассказал ему о моем большом выигрыше и о том, как смешно и внезапно бросил игру, забастовав навсегда.

— И ни-ни?

— Ни-ни. Беседа с вами куда для меня ценнее и приятнее игорных впечатлений.

Так мы и отошли от этой темы об игре. Но о нравах, обычаях и приемах мастеров рулетки он мне рассказывал много интересного.

— Все, что вы видите в Монте-Карло,— все служит наживкою на богатых, глупых и жадных остолопов. Опера, балет, концерты, великолепная природа, чудеснейший воздух, чертовски красивые женщины, пряная еда, тонкое вино... все, все. Слыхали ли вы легенду о черном траурном покрывале, которым покрывается игорный стол, который обанкротился и лопнул от чьей-нибудь слишком счастливой игры? Да. Это — правда. Какой-нибудь из столов порою облачают трауром. Но вовсе не от горести, а для ловкой и хитрой рекламы. Ведь рассказ о черном столе ходит по всему миру, и служителям рулетки надо только его время от времени подтапливать. А ротозеи и балбесы всегда будут думать: ведь вот, срывают же люди банки в Монте-Карло. Не понимаю, почему бы и мне не попробовать.

То же и о самоубийствах. Конечно, они, к сожалению, случаются. Не так часто, как об этом пишут романисты, но все-таки и нередко. Но для казино эти ужасные случаи опять-таки кровавая, но верная реклама. Помните изумительные, сверхчеловеческие строки Пушкина:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Невыразимы наслажденья...
Бессмертья, может быть, залог?

Не отсюда ли охота на тигров и медведей, катанье с отвесных гор в Швейцарии, страсть к воздушным полетам, к дуэлям, к рискованным приключениям. Да, весть об одном самоубийстве в Монте-Карло привлечет в казино два десятка искателей сильных впечатлений. У рулетки нет никакой жалости. Она — машина. Льющиеся в нее миллионы, как известно, ничем не пахнут. И еще есть у казино другие рекламы, свидетельствующие о ее мягкосердечии. Это билеты на обратный проезд проигравшимся, иногда даже с прибавкою корзины, где несчастливец найдет жареную курицу и бутылку вина. К такому же порядку змеиной сентиментальности надо отнести и эту лицемерную щедрость казино к клиентам, оставившим ему миллионы и обедневшим до нищеты. Им пожизненно выдаются в день двадцать франков, с которыми он что хочет, то и делает. На такую сумму кое-как можно прожить один день. Ему даже вход в казино не воспрещается, но когда он выигрывает, то ему ничего не дают, а когда проиграет, то двадцатифранковик ему мгновенно возвращается обратно. Но ведь здесь и дьявольский расчет: ведь очень много шансов за то, что у человека, проигравшего миллионы, могут отыскаться богатые родственники, раскаявшиеся должники или неожиданные наследователи. Такие примеры бывали, и вновь разбогатевшие нищие со стремительной жадностью бросались к игорному столу, не успев даже обзавестись приличной одеждой. Лихая это вещь и пакостная — рулетка.

Прошло с этого разговора так, должно быть, около месяца, когда мы снова вернулись к рулетке. Не помню теперь, какими путями наш разговор подошел к тем системам игры, на которых сходят с ума окончательно обалдевшие неудачные игроки (девять десятых всего населения Лазурных берегов) и которые продаются утлыми, потрепанными джентльменами на каждом шагу. Я спросил прямо и коротко:

— Скажите, дорогой Ювеналий Алексеевич, ваше откровенное мнение об этих системах.

— Чуть, — ответил он односложно.

— Но скажите, разве уж совсем невозможно, немислимо предугадать падение шарика в ячейку, хотя бы при помощи высшей математики, ну, там теорий вероятностей, законов больших чисел или чего там еще.

— Положительно и абсолютно невозможно. Я в свое время очень внимательно приглядывался к рулетке, стараясь подсмотреть ее тайны. Нет, здесь всюду нелепый случай. Ну, хорошо. Я заметил, например, везет непременно новичку, играющему в первый раз в жизни. Но почему? Я не знаю. Может быть, есть у каждого человека свой ангел-хранитель. Он и говорит человеку: хорошо. Хочешь выиграть? На тебе на первый раз, на еще и еще. А уж больше, батюшка,— баста. Поиграл и за щеку. Везет чаще женщинам, нежели мужчинам. Вероятно, у них сильнее темные инстинкты неведомого. Везет молодым, здоровым людям среднего роста. Везет случайно пьяным, а кто нарочно перед игрой напьется, как бы для храбрости,— тому ни за что. И, однако, ни один из моих примеров никуда не годится и ничего не стоит. Все равно как бы если я сказал, что удачливы в игре владельцы серых полосатых кошек, косые и плешивые, зайки и владельцы марки святого Маврикия,— все здесь не стоит и гроша ломаного. Вот, например, скачки. Сколько там у игрока перед стартом есть реальных, рациональных точек опоры. Посчитайте: происхождение, конюшня, тренер, жокей, вес, погода, предшествующие скачки. Вот они, твердые основания для игрока, а в рулетке все иррационально: и выбор игроком номера, и вращение диска, и прыганье шарика по ячейкам, прежде чем лечь в одну из них. Тут все нелепо, все гадательно, все зависит от каприза случая. Правильны и осязуемы лишь два положения: одно— это то, что у казино всегда больше денег, чем у игрока, и другое, что при выходе zero все ставки водопадом низвергаются во чрево казино. И все тут.

Но я осмелел и позволил себе спросить:

— Ну, а что, если этому сумбурному вращению диска и пьяному скаканию на нем шарика игрок противопоставит холодную волю, суровую осторожность, железное терпение? Ведь лечат же сумасшедших спокойным и умным разговором? Ведь укрощают же стихийный бунт черни спокойной силой и даже волевым окриком? Абэг смолк и вдруг уперся в мои глаза странным, тяжелым взглядом. Мне показалось, что он хочет нечто сказать и не решается. И еще мне показалось, что он будто бы нашел в моей душе какую-то новую черту, для него неожиданную, удивительную и как бы неприятную.

Он сказал:

— Ну, оставим этот метафизический вздор. Теперь уже поздно. Но я покорно прошу вас приехать ко мне завтра поутру. Вместе позавтракаем. А потом я скажу вам два-три кое-каких слова.

Мы распростились.

На другой день, так часам к десяти утра, я приехал к нему в Кондамин. По дороге у меня из ума и воображения не выходил его диковинный вчерашний взгляд. Какое-то важное, большое дело стояло за ним, так мне чудилось.

Но встретились мы так же просто и сердечно, как и всегда. Следов вчерашнего загадочного взгляда совсем не было в его красивом важном лице. Завтрак был превосходный: матлот из налимов и превосходно, чисто по-сибирски, сделанные толстой эльзаской пельмени. Заметил я одну странность. Вино перед нами поставили не в кувшинчиках, как раньше, а в небольших бокалах. И еще: прежде Абэг всегда закармливал меня до убою, а теперь ни разу не попросил повторить блюдо. От завтрака я встал совсем легким.

Когда убрали со стола, он повел меня на резной балкончик над морем, придвинул мне кресло, угостил сигарой, сам закурил и стал говорить:

— У меня к вам, молодой и милый друг мой, большая и, признаюсь, довольно-таки дерзкая просьба. Не можете ли вы подарить мне пять-шесть таких утр, как сегодня.

— О, с удовольствием,— радостно ответил я.— Все мои старания, хлопоты, услуги и все мое время принадлежит вам. Располагайте мною, как вам будет угодно.

— Очень вам благодарен. Видите ли: у меня есть шесть тысяч франков, совершенно свободных.

Он вынул из бокового кармана аккуратно сложенную и обвитую гуттаперчевой ниткой пачку кредитных французских билетов.

— Но мне хочется (пусть это будет мой каприз), мне хочется из них сделать двадцать четыре тысячи. А это наращение удобнее всего и вернее произвести на игорном столе в казино Монте-Карло. Вот я и прошу вас потрудиться вместо меня. Я уже не так молод, и воля моя не так крепка, как раньше...

— Как? Играть? Мне? — удивился я.

— Вот именно, поиграть немножко.

— А ну как я проиграю? Деньги немалые.

— Не проиграете. По концу нашего вчерашнего разговора знаю, что вы выиграете. Да и, кроме того, ведь вы будете только выполнять мои точные указания. Ну, идет ли, мой дружок?

— Хорошо. Я слуга ваш, если указания...

— Ну, так слушайте: сегодня вы возьмете из нашей кассы всего пять процентов, то есть триста франков. Вы непременно или учетверите их, либо проиграете до конца. Спаси вас судьба помогать мне своими деньгами. Тогда все дело расстроится, и чудесный опыт пропадет впустую. Обещаете мне?

— Клянусь.

— Все дело в способе ведения игры. Начинайте с минимальных ставок, хоть с пяти франковых пляк и с простейших комбинаций: чет-нечет, черное-красное, пас-манк... потом колонки и дюжины. Наблюдайте за собою! Как только вы заметите у себя наклон к выигрышу — сейчас же повышайте ставку вдвое. Снова выигрыш — снова повышение, но теперь уже вчетверо. Так ловите полосу участия в арифметической прогрессии. Не бойтесь, если вам захочется пропустить одну, две игры или повторить только что выигравший удар. Делайте, что хотите. Только не думайте над этим. Будьте спокойны и легки внутри себя.

Но вот пришел неизбежный момент неудачи. Вашу ставку сгребла лопатка крупье. Не обращайтесь внимания на это. Начинайте отступление. Но не убегайте сразу. Уменьшайте ставки в такой же прогрессии, как и в недавнем наступлении, пока не испарится весь ваш выигрыш и ваша первоначальная ставка. Тогда, без передышки, начинайте новую атаку, в таком же гармоническом порядке расширения и сужения, но только не переменяйте темпа игры. Ведь костяной шарик бездушен, глуп и дурашлив, а у вас есть мысль, воля и система... Да, государь мой,— вдруг гордо повысил тон Абэг,— единственная система, которая существует от начала веков во всем, в торговле, войне, любви и игре. Теперь остаются мелочи. Когда вы почувствуете, что ваш денежный запас учетверился, то есть из триста франков образовалась тысяча двести с малым хвостиком,— кончайте игру. Не пересчитывайте во время игры денег; это всегда нервирует, утомляет и рассеивает внимание. Но если вы наверняка знаете, что сверх задачи у вас имеется излишек в пять, десять франков, ставьте их куда попало, хоть целиком на один номер, где эта мелочь или исчезнет, или увеличится в тридцать семь раз. А затем немедленно домой, и отдыхать. Играть же вы будете по два раза в сутки: после легкого завтрака и перед солидным обедом. Надеюсь, что теперь вы уже хорошо вникли в мою несложную теорию?

— Да. Она мне и понятна, и нравится, и внушает доверие.

— И отлично. Будьте любезны, начните сейчас же. Вот вам деньги, и вот хорошая гаванская сигара. Если вы ее закурите перед вашей первой ставкой, то вам еще не удастся ее докурить, как ваша игра окончится. А главное, не бойтесь проиграться в прах. Через шесть часов мы начнем новую игру. Итак, не теряйте времени. Буду ждать вас.

Я пошел в казино. Игроков в зале было еще немного, что было мне с руки: я не люблю толпу, а особенно разгоряченную какими-либо страстями. Заняв место в узком конце стола, рядом с крупье, я тотчас же начал игру с десяти франков. Через четыре благоприятных тура я уже ставил сто франков на дюжину. Бог или, вернее, черт рулетки (всем известно, что родоначальник рулетки Блан продал душу дьяволу за секрет рулетки) явно мне способствовал в этот полдень. Сигара еще моя дымилась, не обжигая губ, когда я понял, что очередная задача моя выполнена. Я посчитал деньги. Оказалось пять франков сверх нормы. Я их поставил на номер тридцать два и взял что-то около двухсот франков и ушел из казино. Очевидно, мне везло в этот первый сеанс. Всего только два раза я проигрывал, но тотчас же спокойно и умело выправлял неудачу. Перед обедом я играл второй раз, взявши с собой пятьсот франков, и через полтора часа принес в Кондамин полторы тысячи. Ювеналий Алексеевич серьезно хвалил меня за то, что не отступался от канона. Через три дня шесть тысяч учетверились, и я освободился от добровольной службы. Да, кстати, и пора уже было мне думать об отъезде в Петербург. Прошло еще несколько суток, и я приехал к Абэгу попрощаться. Тут мы в последний раз вновь поговорили о рулетке.

— Нет горше слов, чем слова прощальные,— сказал Ювеналий Алексеевич.— Я полюбил вас. Смотрите: ведь я никому, ни одному человеку не передавал моей игорной тайны, а вас просил поиграть за меня лишь потому, что хотел, чтобы вы усвоили себе мою систему не из рассказа, а на настоящем деле, чтобы вы ощупали ее, так сказать, перстами... А теперь она—мой дорожный подарок вам. Когда настанет тяжелая година, вспомните старого Абэга и его изобретение и идите смело поправлять ваши дела рулеткой. Моя система никогда не сорвется.

Тут я задал ему один вопрос, который давно уже чесался у меня на языке, но я стеснялся его предложить:

— Но почему же вы сами не играете, дорогой Ювеналий Алексеевич?

— Почему? История не особенно приятная. Я никому ее не передавал. Но вам расскажу, хотя бы для предупреждения, на всякий случай.

Видите ли, в первые годы моей жизни в Ницце я довольно-таки часто поигрывал. Но я выиграл, как новичок, а потом и пошло дьявольское невезение. Проигрался дотла.

Казенных денег проиграл десять тысяч. Едва смог пополнить растрату; весь в долги для этого влез. Но к этому времени умер в Петербурге мой любимый дядя, адмирал Абэг, и оставил мне завещание в семьдесят тысяч рублей. Кое-как расплатился с долгами. Денег осталось не так уже много. Жила тогда на Ривьере почтенная старушка, моя большая приятельница, княгиня Вадбольская, урожденная чистокровная цыганка, но умница и по повадкам истинная русская княгиня-аристократка. Вот она-то, не то по симпатии, не то из сожаления, и навела меня на эту систему. Только взяла с меня строгий зарок: никогда правилам этой системы не изменять и за ротшильдовскими миллиардами не гоняться. И я своему обещанию всегда твердо повиновался. Каждый год я посвящал игре один месяц и учетверял основную сумму. Я большую вел игру. Доходил до миллиона. Большую часть откладывал в банк, другую на построение вот этой кельи под елью, на остальное скромно существовал. Но раз пришла мне в голову дурацкая и жадная мысль, нарушив клятву, данную княгине, довести выигрыш до миллиона. Так, блажь нашла. Ведь я тогда был комфортабельно уже обеспечен на весь остаток жизни. Пошел в казино. Занял привычное место. Начинаю играть. Ничего, все идет хорошо. Но вот поставил я на трансверсаль две тысячи франков. Крупье кричит:

— Rien ne va plus⁴.

Шарик стал, выкликают номер одиннадцать — я выиграл. Крупье лопаточкой придвигает двенадцать тысяч. Я протягиваю руку. Но туда же тянется и другая рука, красивая, выхоленная, в драгоценных кольцах. Смотрю — высокий, прекрасно одетый молодой человек, изысканный и томный, настоящий пти-метр². Я говорю строго: «Мсье!» Он не менее строго тоже: «Мсье!» Я опять угрожающе: «Мсье — это моя ставка», и он повторяет с угрозой: «Нет, мсье, эта ставка моя». Начинается ссора. Ни он, ни я не уступаем. Скандал затягивается. Публика ропщет на замедление. Появляются все высшие власти казино.

— Господа, это какое-то недоразумение. Игра должна продолжаться. Пожалуйте, господа, в бюро. Там все это разъяснится.

В конторе, конечно, никакого разъяснения не происходит.

— Господа, вы оба должны покинуть немедленно казино. Мы допросили очевидцев. Оставьте нам ваши адреса. Завтра вы получите точные извещения. О, какая неприятность!

Но извещение не приходит ни завтра, ни послезавтра. На третий день захожу в канцелярию казино.

— Ну, как же мое дело со ставкой?

— Подождите, мсье, дело еще не расследовано. Потрудитесь подождать несколько дней, а пока, просим, воздержитесь от посещения казино.

Словом, обида и воровство канули в вечность. На другой год опять приезжаю в Монте-Карло. Как и всегда, сначала прихожу в канцелярию, показываю свой входной билет.

— Простите, мсье, мы не можем разрешить вам входа в игорные комнаты. За вами числится какое-то порочащее вас деяние или происшествие... Ах, нет, мсье, у нас нет времени входить с вами в длинные и бесполезные разговоры...

Вот и вся моя грубая, жестокая история. Дело же объясняется просто. Прозорливые инспекторы игры давно уже поняли мою непобедимую систему и решили избавиться от меня. Отсюда и наемный прекрасный молодой человек, и комедия расследования. И вот почему с тех пор моя нога не переступает порога казино уже пятнадцать лет. Если будете играть — не забывайте моего случая...

Мы распрощались и больше никогда не увиделись. Жив ли он — не знаю. Но я к его системе так и не успел прибегнуть вторично. Не довелось с той поры побывать на Лазурных берегах.

¹«Славянском отеле» (фр.).

²Прогулка англичан (фр.).

³«Свидание шоферов» (фр.).

⁴Больше не идет (фр.).

⁵Щеголь (от фр. *petit maitre*).

